МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ СССР

А. ЛУТС

ЭСТОНСКОЕ МОРСКОЕ РЫБОЛОВСТВО В XIX—XX ВЕКАХ

В экономике Эстонии с древнейших времен рыболовство играет значительную роль. О значении рыболовства в хозяйстве республики говорят следующие цифры. Если в 1956 г. в СССР в среднем на каждого жителя приходилось 14 *кг* выловленной рыбы, то в Эстонской ССР — 58 *кг*. Население республики составляет 0,6% от всего населения СССР, а общий улов (в 1956 г.) — 2,3% общесоюзного. Притом $^{9}/_{10}$ валового улова в республике добывается в море.

Однако история эстонского морского рыболовства мало изучена. Из буржуазных этнографов ей уделил значительное внимание только И. Маннинен в своем труде «Материальная культура Эстонии» [1]. Но он рассматривал в основном не рыболовство в целом, а только орудия лова, причем нередко понимал их развитие как саморазвитие от более примитивных к более сложным формам, не учитывая конкретных условий; между тем несомненно, что, как указывает другой исследователь рыболовства — К. Вилькуна, «тип предмета и способ его употребления невозможно объяснить, не имея точного представления о местных факторах и о значении данного предмета или способа» [2]. Кроме того, в собранных к тому времени, когда работал Маннинен, этнографических материалах об эстонском морском рыболовстве имелись большие пробелы, которые были заполнены лишь в течение последующих десятилетий. Из советских исследователей рыболовству Эстонии уделила некоторое внимание только А. Х. Моора, при рассмотрении русско-эстонских связей в свете этнографии, начиная с XVIII в. [3] Поэтому автор настоящей статьи считал возможным и нужным снова обратиться к этой теме и сделать попытку найти основные характерные линии развития столь важной для эстонского народа отрасли хозяйства.

Основными источниками для исследования послужили рукописные материалы, хранящиеся в этнографическом архиве Музея этнографии Академии наук Эстонской ССР в г. Тарту, и ответы корреспондентов Музея на высланные им вопросники [4]. Существенная часть материала собрана самим автором среди рыбаков летом 1955, 1956, 1957 и 1958 гг.

---

[1] I. Manninen, Die Sachkultur Estlands, т. I, Tartu, 1931.

[2] К. Вилькуна, Этнографическое изучение промысла лосося в Финляндии, «Сов. этнография», 1956, № 4, стр. 72.

[3] А. Х. Моора, Эстонско-русские отношения в XVIII—XX вв. по данным этнографии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XII, 1950, стр. 45—54.

[4] В дальнейшем ссылка на этот архив дается сокращенно — ЭА, а на ответы корреспондентов — ОК.

Кроме того, использованы основные литературные источники и материалы диалектологического архива Института языка и литературы Академии наук Эстонской ССР.

* *
*

Прежде чем приступить к рассмотрению отдельных типов орудий лова, необходимо вкратце наметить основные пути развития эстонского морского рыболовства в XIX—XX вв. в историческом аспекте.

В первой половине XIX в. рыболовством занимались в основном прибрежные крестьяне, главным занятием которых было земледелие. Основными орудиями лова являлись льняные сети и береговые невода, связанные самими рыбаками. В организации промысла были живы старинные общинные традиции коллективного труда.

Рис. 1. Морской берег под дер. Панга, Мустьяла (ныне Кингисеппский р-н), 1913 г. Из собраний Этнографического музея АН ЭстССР

Развитию рыболовства препятствовали относительная узость рынка и необходимость выполнять барщину у помещика. Прибалтийские бароны принуждали крестьян возможно больше работать на помещичьем поле. Поэтому они всячески старались препятствовать переходу крестьян к другим занятиям, в том числе и к рыболовству. Занимающихся исключительно рыболовством в это время среди прибрежного населения Эстонии было относительно мало.

В прибрежных имениях помещики требовали от своих крестьян десятину от вылавливаемой ими рыбы. В конце прошлого века десятину в большинстве районов заменила определенная плата за право ловить рыбу у берегов, принадлежавших помещику.

Организаторами рыбной ловли для рынка в более широких масштабах у берегов Эстонии явились приезжие русские рыбаки из быв. Тверской губернии. Они начали ходить к Балтийскому морю уже в XVIII в., но в значительной мере расширили свой промысел во второй половине XIX в. Русские рыбаки принесли с собой новый тип невода, а также новые, по существу капиталистические, формы организации труда и этим оказали значительное влияние на рыбный промысел местного эстонского населения.

В конце прошлого и начале нашего века произошли значительные сдвиги в развитии морского рыболовства Эстонии. С конца XIX в. появились дешевые хлопчатобумажные сети, которые вытеснили льняные сети, а на северном побережье и невода. На западном побережье в начале XX в. невода были вытеснены большими мережами; частично, особенно в бассейне Пярнуского залива, мережами заменили также салачные сети.

Расширение рынка сбыта в связи с дальнейшим развитием капитализма создало условия для увеличения добычи рыбы. Обезземеливание

Рис. 2. Рыбак из дер. Пийвароотси, Карузе (ныне Лихулаский р-н), 1912 г. Из собраний Этнографического музея АН ЭстССР

большей части крестьян принудило их искать новых способов добывания средств к жизни. У многих прибрежных жителей рыболовство постепенно становилось главной отраслью их деятельности, особенно на островах. Параллельно шло расслоение рыбацкого населения. Из среды рыбаков появились скупщики, которые за бесценок приобретали уловы рыбаков и таким образом накапливали капитал для покупки больших рыболовных орудий.

В годы буржуазной республики (1920—1940) Эстония была оторвана от российского рынка. Это отразилось на состоянии рыбного хозяйства: рыбообрабатывающая промышленность приходила в упадок, эстонские рыбаки в основном по-прежнему оставались самой необеспеченной

частью населения страны. Углублялось социальное расслоение рыбаков — появился ряд крупных предпринимателей, в первую очередь в Пярну.

Начинавшееся уже в предыдущий период свойственное капитализму неравномерное развитие отдельных районов усугубилось. Пярну становился важнейшим центром рыболовства в Эстонии.

В общем рыболовное хозяйство буржуазной Эстонии находилось в застое — валовой улов в 1930-е годы по существу не увеличился. Господствовавшие в буржуазной Эстонии социально-экономические и политические условия не могли обеспечить дальнейшего развития морского рыболовства.

Рис. 3. Альберт Буш, бригадир рыболовецкой артели «Яхта». Гор. Пярну, 1958 г.
Фото Х. Раннак

Рис. 4. Хелья Лайне, рыбачка из колхоза «Ныукогуде Калур». О-в Мания, Пярнуский р-н, 1958 г.
Фото Х. Раннак.

В годы Советской власти, после Великой Отечественной войны в морском рыболовстве Эстонии произошел коренной перелом. Из подсобной отрасли сельского хозяйства рыболовство Эстонии превратилось в самостоятельную отрасль промышленности. Создание государственных рыболовецких организаций, кооперирование труда рыбаков дали возможность оснастить рыболовство новейшей техникой. Настоящей технической революцией был переход к лову весенней салаки — основного объекта лова в прибрежных водах Эстонии — ставными неводами (начало 1950-х гг.). С каждым годом все большее значение приобретает в морском рыболовстве Эстонии траловый лов, включая и промысел в Северной Атлантике.

Неузнаваемо изменилось положение эстонских рыбаков. Освобожденные от эксплуатации скупщиков и предпринимателей, независимые от рыночной конъюнктуры, эстонские рыбаки стали хозяевами своего моря и его рыбных богатств. В связи с огромным ростом производительности труда рыбаков благодаря применению новой рыболовной техни-

ки, лучшей организации труда в рыболовецких колхозах и обеспечению государством сбыта рыбы, материальное благосостояние рыбаков возрастает невиданными темпами.

* *
*

В настоящей статье, являющейся частью монографии, посвященной рыболовству, автор ограничивается в основном рассмотрением развития типов орудий лова и соотношения между различными способами лова в историческом аспекте.

Рис. 5. «Дом рыбака» около причала в колхозе «Норд», Лохусалу, Кейлаский р-н, 1956 г.

Фото автора

Выбор применения разнообразных снастей и приемов рыбного лова зависит в первую очередь от биологических особенностей вылавливаемой рыбы. Но немалую роль в выборе снасти, а также в появлении местных вариантов рыболовных орудий играет и географическая среда (рельеф берега и дна моря и др.). Известное, но не решающее значение оказывают и сложившиеся традиции.

Рыбаки — более подвижной народ, чем крестьяне-земледельцы. Им издавна часто приходилось ловить рыбу у чужих берегов, где они знакомились со способами лова у местного населения, а также передавали ему свой опыт. Поэтому новые орудия рыболовства нередко распространялись быстрее, чем земледельческие орудия.

Однако в XIX в. рыбный промысел, даже для большинства прибрежного населения Эстонии, являлся второстепенным занятием. Этим отчасти объясняется длительное сохранение древних орудий и приемов лова у эстонских рыбаков. Это же было причиной многочисленных заимствований в области рыболовной техники эстонскими рыбаками у соседних народов, особенно у русских. Как известно, в хозяйстве русского населения северо-западных областей рыболовство всегда занимало важное место (там было много профессиональных рыбаков), и поэтому рыболовная техника развивалась у русских быстрее, чем у эстонцев. Русское влияние в рыболовстве Эстонии прослеживается уже с давних времен, особенно у Чудского озера и озера Выртсъярв, но более заметным оно сделалось с середины XIX в., когда рыболовство стало более интенсив-

ным у прибрежных эстонцев и те начали, по примеру русских, приобретать новые большие орудия лова.

Дальше рассматриваются основные виды орудий народного рыболовства: невода, сети, ловушки, крючковые снасти, остроги.

Невода

Неводный лов является одним из старейших способов добычи рыбы в Эстонии [5].

До начала нашего столетия невод, наряду с рыболовными сетями, являлся одним из главных орудий лова на морском побережье Эстонии, особенно во время весенней путины, когда вылавливается основная масса салаки, и при лове кильки. Следует напомнить, что эти породы промысловых рыб являлись основой морского рыболовства Эстонии. Промысел крупной рыбы усилился только в связи с ростом ее экспорта, начиная с конца 1920-х гг.

Для лова салаки и кильки употребляли самые большие невода, длиной нередко до километра, а иногда и больше [6].

Мотня невода (pära) была цельной или составной из нескольких кусков. Составные мотни встречались чаще тогда, когда владельцем невода являлся коллектив рыбаков. Так, на острове Кихну мотня имела 10 полотнищ, каждое из которых изготовлялось хозяевами четырех дворов [7]. Если мотня была конусообразной, сама конструкция ее требовала составления ее из нескольких, обычно четырех, частей, носивших названия «suitsuk» или «sutsik» (русск. «сучек») [8], «gili» (русск. «гили»), «lobutrit» [9], «taskalinad», «parsukilinad» [10]. Весьма вероятно, что значительная часть этих терминов — русского происхождения; это свидетельствует о заимствовании эстонскими рыбаками составной мотни от русских рыболовов. У старинных, местного типа, неводов мотня была сделана из одного куска сети.

У большого невода крылья (tiivad, siulad, hõlmad) тоже составлялись из нескольких кусков сетного полотна. Там, где невод находился в коллективном владении, части крыльев изготовлялись хозяевами отдельных дворов и длина крыльев зависела от числа участников.

Еще в начале нашего столетия встречались лыковые тяговые канаты невода [11].

Большой невод был распространен во второй половине XIX в. во всех основных районах лова салаки и кильки в Эстонии. Особенно больших размеров он был на северном побережье, где его стали употреблять под влиянием русских рыбаков уже с XVIII в. О русском происхождении этого невода свидетельствует местная терминология, связанная с неводным ловом, в частности название невода «vene noot» (русский невод) [12], а также предания прибрежных жителей.

Общераспространенным стал русский тип невода, по крайней мере в центральной части северного побережья Эстонии, к 1880-м годам [13]. На северном побережье Эстонии он полностью вытеснил старый, местный тип невода, о котором мы смогли собрать лишь самые скудные сведения. Русское влияние распространилось и на остров Муху, о чем также

---

[5] R. Indreko, Kiviaja võrgujäänuste leid Narvas, «Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat», VII, Tartu, 1932, стр. 67.

[6] I. D. Kuznetsov, Fischerei und Thiererbeutung in den Gewässern Russlands, St.-Petersb., 1898, стр. 33.

[7] ЭА 47, стр. 161.

[8] Муху, ОК 13, стр 1664; Куусалу, Харьюский р-н; ЭА 45, стр. 791; ОК 13, стр. 978 и 1017.

[9] Муху, ОК 13, стр. 1634.

[10] Куусалу, ОК 13, стр. 344.

[11] Килинги-Ныммеский р-н, полевые материалы автора, 1955 г.

[12] Полевые материалы автора, 1955 г.

[13] ЭА 45, стр. 793.

свидетельствуют русские названия частей мотни и предания местных жи телей [14].

Жители северного побережья, несомненно, уже раньше были знаком с большим неводом русского типа, но до второй половины XIX в. не бы экономических и общественных условий, нужных для развертывания та интенсивного рыболовства; поэтому это мощное для своего времени рыб ловное орудие среди эстонцев раньше не распространялось.

Наряду с салачными и килечными неводами повсеместно были ра пространены особые невода для лова крупной частиковой рыбы (ы местные названия: suurekala noot, kaldanoot, madalanoot и др.). Размеры ячей сетного полотна в этих неводах были больше, а общие размеры не вода меньше, чем у первых.

В западной Эстонии и в архипелаге, где важную роль играет лов крючковой снастью, повсеместно можно встретить мелкоячеистые неболь шие невода для лова наживки; нередко мотню в них заменяет мешо из грубой ткани (Килинги-Ныммеский район). Так как интенсивный лов переметами — довольно новое явление, то это относится, следова тельно, и к неводам для ловли наживки.

Своеобразны невода, предназначенные для лова камбалы. Камбал ведет донный образ жизни, поэтому невода невысоки — 0,5 — 1,0 *м*, крылья очень коротки — 4—10 *м*. Зато у них длинные и толстые (7- 10 *см*) канаты, носящие название pasinad (Куусалу), kusid (от русск «гуж», Таллин, Хальяла, Муху), kusikeied (Сааремаа). При тяге невод эти канаты движутся по дну и пугают рыбу так, что она идет в мотню Камбальные невода начали распространяться по эстонскому морском побережью в первой половине прошлого столетия. Изобретателями этог невода были русские рыбаки в Палдиски и Таллине [15]. С неводом новог типа познакомились эстонские рыбаки западного побережья Сааремаа а от них его перенесли ливы в Курземе (Латвийская ССР). Выработан ный ливами более легкий тип камбального невода распространился п всему бассейну Рижского залива и по восточному побережью Балтийско го моря, доходя даже до берегов быв. Восточной Пруссии [16].

По-видимому, русские рыбаки, конструируя камбальный невод, взя ли за образец маленькие невода, употребляемые на внутренних водо мах северо-западной России. На это указывает уже сходство названий nokk, odinok — камбальный невод (окрестности Таллина, Муху); «оди нок» — тип невода близ городов Калинина и Осташкова [17]. Именно и этих районов приезжали русские рыбаки на лов у берегов Эстонии.

У эстонских рыбаков был известен и так называемый спиральный невод (pöörisnoot) с одним длинным крылом. Из-за недостатка материа лов пока нельзя еще сказать что-нибудь определенное относительно происхождения и распространения в Эстонии этого типа невода. Некото рые этнографы предполагают, что спиральный невод у эстонцев довольно давнего происхождения и известен в старой материальной культуре народов северо-восточной Европы. Но несомненно, что более совершен ный тип спирального невода на Чудском озере заимствован у рыбаков Ладожского озера или Финского залива. На северо-западном побережье Эстонии какую-то роль здесь тоже играло, несомненно, русское влияние, о чем свидетельствует название этой снасти «vorut» (русск.— «ворот») в Тискре около Таллина [18]. Рыбаки из Сырве (о-в Сааремаа) познакоми лись с спиральным неводом в Риге у латышских рыбаков [19].

[14] ОК 13, стр. 1379.

[15] Х. Вольдемар, Рыболовство на Балтийском море, «Морской сборник», LXIV, 1863, № 1, стр. 10—13.

[16] I. Manninen, Указ. раб., стр. 176.

[17] Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля, 4-е изд., т. II, СПб.—М., 1914, стр. 1676; см. также I. Manninen, Указ. раб., стр. 174.

[18] I. Manninen, Указ. раб., стр. 168.

[19] Полевые материалы автора, 1957 г.

Можно различать несколько способов лова неводом: 1) береговой лов (невод тянут на берег); 2) лов бреднем (на мелководье; рыбаки движутся по пояс в воде); 3) лов в открытом море (с одной или нескольких лодок); 4) зимний подледный лов. Каждый из этих способов имеет локальные различия в зависимости от типа невода и природных условий.

Первый способ применялся в основном в весеннюю путину для лова салаки большим неводом. Он был известен в бассейне Пярнуского залива и на побережье западной Эстонии в Виртсу и южнее, а также на о-ве Кихну, причем в тяге участвовало обычно от 20 до 50 человек [20], а иногда даже больше. Отличительной чертой берегового лова здесь является употребление специальных поясов (noodapant, или kolk); прикрепляя их к тяговому канату, неводчики могли тянуть не только руками, но и всем телом. Такие пояса встречались у финнов [21] и латышей [22]. И. Маннинен указывает, что особенно близки к эстонским латышские пояса [23]. Эти пояса употребляли при неводном лове во всем бассейне Рижского залива, где еще в конце XIX в. сохранялся способ тяги невода вручную, тогда как в других районах Балтийского моря уже давно перешли на тягу воротом [24] (см. рис. 6).

На северном побережье (б. уезд Вирумаа) неводный промысел имел своеобразную особенность. Берег здесь местами достигает более 50 *м* высоты. Руководитель лова — kallaspapp (буквально — береговой поп) во время лова находился на краю высокого берега, откуда было удобно следить за движением косяка салаки, и жестами передавал указания неводчикам. Этот способ лова — старая традиция вирумааских прибрежных жителей. Сохранились его описания, сделанные во второй половине XVIII в. [25].

В XIX в. больше всего был распространен, а местами сохранился и до наших дней, неводный лов в открытом море, где невод выметывали из лодки и в лодку же выбирали. В западной части Эстонии главным районом лова салаки этим способом был о-в Муху. Невод выметывали с двух больших лодок и тянули его вручную несколько десятков человек [26]. На северном побережье при тяге невода рыбаки пользовались воротом, и число участников лова там обычно не превышало шести [27]. В северной Эстонии лов большим неводом в открытом море был мало распространен. Очевидно, он был заимствован от русских рыбаков в XVIII в. Источники того времени свидетельствуют, что этот способ лова на Вирумааском побережье употреблялся тогда местными рыболовами редко. Так ловили главным образом приезжие русские рыбаки в Таллинской бухте [28].

Для лова частиковой рыбы невод в летнее время употреблялся меньше. Камбальный невод употребляется на летнем лове до настоящего времени; его тянут в лодку обычно 2—3 ловца. Невод выметывается из лодки; один конец его прикреплен к бую. В 1920-х гг. при тяге камбаль-

---

[20] Тахкуранна, O. Loorits, Endis-Eesti elu-olu I, Tallinn, 1939, стр. 69; Варбла, ОК 13, стр. 704—706.

[21] K. Vilkuna, Varsinaissuomalaisten kansanomaisesta taloudesta, Porvoo, 1935, стр. 45.

[22] A. Bielenstein, Die Holzbauten und die Holzgeräte der Letten, St.-Petersburg—Petrograd, 1907—1918, стр. 469.

[23] I. Manninen, Указ. раб., стр. 178.

[24] В Финляндии, например, уже в XVII в. См. K. Vilkuna, Указ. раб., стр. 45.

[25] A. W. Hupel, Topographische Nachrichten von Lief- und Ehstland, т. III, Riga, 1782, стр. 478; Fr. Arvelius, Beschreibung des Strömlings-Fanges in Ehstland, «Livländische Lese-Bibliothek, eine Quartalschrift», IV, 1796, стр. 120—128.

[26] См. описание И. Маннинена в указанной работе, стр. 180—181.

[27] ЭА 45, стр. 797.

[28] Fr. Arvelius, Указ. раб., стр. 121.

ного невода начали применять, по примеру латышских рыбаков, л бедку [29].

При лове крупной частиковой рыбы невод тянули в большинст случаев на берег. В общем можно сказать, что береговой неводный л в Эстонии является более древним способом лова, чем в открытом мор

Важное место в морском рыболовстве Эстонии занимал подледны неводный лов. На Балтийском море этот способ лова очень древний

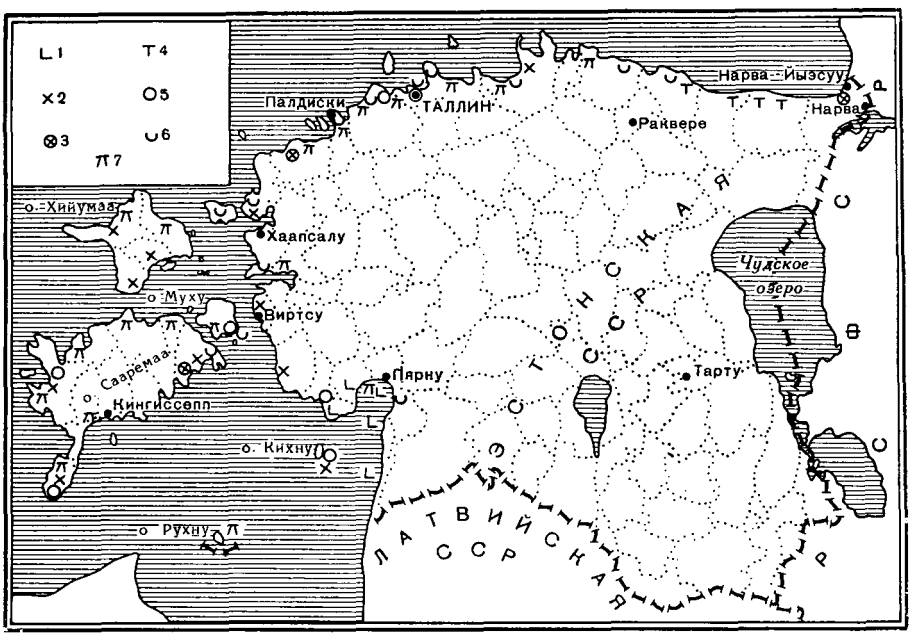

Рис. 6. Распространение основных способов морского неводного лова в Эстонии (конец XIX в.): *1* — тяга невода на берег с применением тяговых поясов; *2*—тяга невода руками; *3* — тяга невода воротом; *4* — лов у высокого берега; *5*—лов спиральным неводом; *6* — лов в открытом море с лодок; *7* — лов камбальным неводом

его знают везде, где зимой море замерзает [30]. В западной Эстонии та ловили почти исключительно крупную рыбу, а в Финском заливе - главным образом салаку и кильку. На северном побережье в тяге невода участвовало всегда 8 рыбаков, а на западе — от 6—7 до 30—40. Окруженный неводом участок на западном побережье имел форму круга, полумесяца, треугольника или четырехугольника, причем, как правило, он в ширину был больше, чем в длину; на северном побережье он имел форму прямоугольника или трапеции.

Заметные различия существовали также в терминологии, связанной с подледным ловом. На северном побережье употреблялось множество названий русского происхождения, касающихся устройства невода [31], а также организации труда (наименование исполняющих определенные обязанности лиц — poda и odsik, krumkammes jättel и др.). Это — следствие того, что подледный неводный лов, как и лов большим неводом вообще, в той форме, в какой он был известен во второй половине XIX в., на северном побережье Эстонии введен русскими рыболовами.

[29] Ноароотси, ЭА 9, стр. 319; Сырве, полевые материалы автора, 1957 г.
[30] K. Vilkuna, Указ. раб., стр. 45.
[31] I. Manninen, Указ. раб., стр. 190.

В прошлом лов большим неводом являлся важным событием в прибрежной деревне. Невод изготовляли силами всей деревенской общины. Весной, когда косяки салаки начинали приближаться к берегу, по знаку дежурных — наблюдателей за движением рыбы участники неводьбы собирались на берег, принося с собой изготовленные дома части невода. Из этих частей составлялся большой невод. Под руководством «киппера», наиболее опытного рыбака, начиналась неводьба. Участники ее часто в течение всей путины (несколько недель) оставались на берегу, живя во временных избах или шалашах. В неводный коллектив (noodavägi, о-в Муху) — несколько десятков человек — входила преимущественно молодежь. Поэтому в свободное от работы время на берегу (noodavanpas) пели песни, плясали, водили хороводы. Те из участников неводного коллектива, которые сами в лове не участвовали, приносили неводчикам пиво или водку. Улов делили между всеми участниками поровну. Двойную долю получал киппер, который нередко был в то же время владельцем большой лодки (noolaev) или им была изготовлена мотня невода.

Во время путины на берегу собиралось также много людей, не имеющих своей доли в неводе. Это были обычно бедняки, которые помогали неводчикам и за это получали рыбу.

К весенней путине на берег моря приходило также много крестьян из деревень, лежащих внутри страны; они меняли хлеб на рыбу и обычно приносили с собой также водку.

Такая общинная неводьба наблюдалась еще до конца XIX в., хотя быстрое развитие капиталистических отношений в целом разрушило старинные общинные традиции.

Дольше всего общинная организация неводчиков сохранялась на о-вах Кихну и Муху.

Во многих других районах побережья Эстонии во второй половине XIX в. появились новые формы организации — неводные артели, в 6—8 человек. В артелях невод зачастую принадлежал не всему коллективу, а владельцу-хозяину, который нередко сам уже не участвовал в лове. Эти артели возникли под влиянием русских артелей, промышлявших кильку в районе Палдиски — Таллин. Сперва эстонские рыбаки участвовали в промысле русских артелей в качестве сезонных наемных рабочих, затем эстонцы по всему северному побережью, а также в Пярнуском бассейне сами стали организовывать артели такого типа, зависимые во многих случаях от русских рыбопромышленников.

В конце XIX — начале XX в. невод был в значительной степени вытеснен снастями других типов, особенно после того, как начали распространяться более дешевые хлопчатобумажные сети фабричного производства. В бассейне Пярнуского залива салачный невод заменили большие мережи, на северном побережье — мережи и сети.

В значительной степени уменьшилась с того времени также роль невода в лове крупной рыбы. В настоящее время береговым неводом регулярно ловят, как нам известно, частиковую рыбу только нарвайыэсууские и нарвские рыбаки-колхозники, частично — рыбаки в Кийдева (Хаапсалуский р-н) [32].

На западном побережье продолжает развиваться лов неводом камбалы. На северном побережье до наших дней не потерял значения зимний подледный лов салаки.

Рыболовные сети

Рыболовные объячеивающие сети — старинные и наиболее универсальные орудия лова. Ими ловят все породы рыбы, встречающиеся у берегов Эстонии. Сети в Эстонии везде примерно одинакового устройства. Различия наблюдаются только в форме и величине грузил и по-

[32] *Полевые материалы автора, 1957 и 1958 гг.*

плавков, в названиях деталей, в размере ячей. Последнее зависит от того, для лова какой рыбы сеть предназначена.

Сети предназначены в основном для пассивного лова. Наиболее распространенными являются ставные сети. Различают несколько их видов — по положению сети в воде. Старейшим, вероятно в пределах всей Балтики, является способ лова, когда сети опускают прямо на дно моря. Но в западных и южных районах Балтики гораздо раньше, чем в Эстонии, стали входить в употребление новые способы. Так, даже в шхерах Аландских островов уже в 1820-х годах начали ставить сети в верхних слоях воды [33]. Зато на южном берегу Финского залива, особенно в районе быв. уезда Вирумаа, донный лов еще на сто лет позднее оставался единственным способом [34]. Только с 1930-х годов начали и здесь ставить сети в верхних слоях воды [35]. Там, где рыбный промысел играл более важную роль в хозяйстве, новый способ начал распространяться раньше. На п-ове Сырве (Сааремаа), например, уже в 1870-х годах все сети были приспособлены для лова в верхних слоях воды [36]. На о-ве Хийумаа этот переход произошел, очевидно, еще раньше, так как там рыбаки уже не помнят о донном лове.

При лове сетями в верхних слоях воды применяют несколько вариантов установки порядка сетей. Обычно сеть прикреплена ко дну на якорях с обоих концов. Но бывает, что один конец не прикреплен. Называется этот способ лова «lipus püük» или «lipupüük» (lipp — флаг, флюгер). Он оказывается целесообразным в тех районах, где море часто бывает беспокойным или где имеются сильные и изменчивые течения. Этот способ лова повсеместно распространен в западной части северного побережья; знают его и в Соэласком проливе и в проливах около о-ва Муху, а также в некоторых местах юго-западного побережья (например, в Аудру).

Следует отметить, что в верхних слоях ловят только салаку и кильку; прибрежный лов частиковой рыбы остается донным.

Всюду у побережья Эстонии, где зимой лед бывает более или менее прочным, известен подледный донный лов ставными сетями, почти не имеющий, впрочем, промыслового значения. В этом отношении в 1920—1930-е годы выделялись только Пярнуский (лов судака) и Нарвский (лов салаки и корюшки) заливы. В Нарвском заливе рыбаки ловили подо льдом довольно далеко от берега, и те из них, которые не имели лошадей, жили целую неделю на льду в небольших деревянных домиках или палатках [37].

Особый способ сетевого лова — плавными сетями (ajupüük, triivpüük, pinetamine, ujutamine). Один конец сетного порядка прикреплен к лодке, другой — свободен. Лодка вместе с сетями дрейфует свободно в течение всей ночи. Хотя этот способ требует присутствия рыбаков в течение всего процесса лова, но они не участвуют активно в лове, а скорее сторожат сети, нередко занимаясь другими делами, например ловом трески на удочку (Хийумаа) [38]. Поэтому следует относить лов плавными сетями к пассивным или, по крайней мере, к полуактивным видам лова, а не к активным, как это обычно делается [39]. Лов в дрейфе производится в основном в верхних слоях воды и лишь изредка на глубине до 30 *м* [40].

---

[33] R. Ahlbäck, Kökar. Näringslivet och dess organisation i en utskärssocken. Helsingfors—København, 1955, стр. 96.

[34] См. «Kalaasjandus», 1921, № 6, стр. 85; № 14, стр. 358—359.

[35] См. «Uus Eesti», 7 сентября 1938 г., № 245, стр. 6.

[36] ЭА 36, стр. 469.

[37] Полевые материалы автора, 1957 и 1958 гг.

[38] J. Mey, Hiiu-Kärdla kalameeste elust ja kalapüügist, «Kalaasjandus», 1923, № 29, стр. 84.

[39] См., например, I. Manninen, Указ. раб., стр. 200.

[40] A. Säinas, Triivpüügist Nõukogude Eesti vetes, «Nõukogude Eesti Kalandus», 1941, № 2, стр. 45.

В западных районах республики, особенно на островах, для лова в дрейфе употребляются специальные сети, так называемые сети с поводками (pinevõrk), у которых, кроме верхней подборы, имеется параллельно ей еще одна веревка (см. рис. 7). Плавными сетями здесь ловят салаку и кильку, ставными — крупную рыбу.

Плавные сети употреблялись преимущественно в северной и западной части о-ва Хийумаа, на западе и юге о-ва Сааремаа, на северном побережье материковой Эстонии, а также в проливе между о-вом Муху и материком, т. е. на побережье открытого моря и там, где течение сильное и опасно оставлять сети в море на длительное время без надзора.

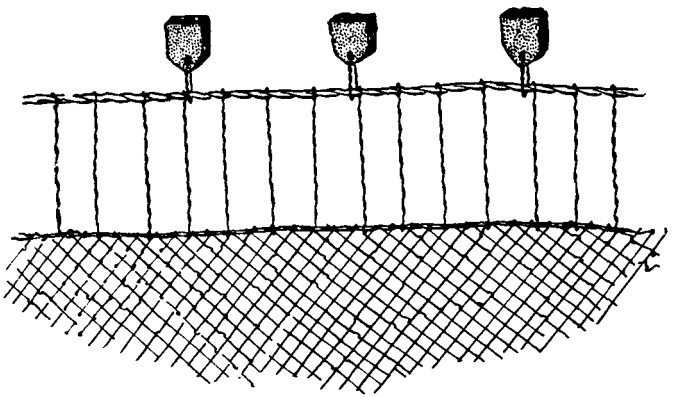

Рис. 7. Устройство верхнего края сети с поводками (pinevõrk)

Лов плавными сетями для Эстонии — относительно нов. На северном побережье еще помнят о его недавнем происхождении [41]. Рыбаки в Нарва-Йыэсуу учились ловить плавными сетями у латышских рыбаков, эвакуированных сюда во время первой мировой войны [42]. В окрестностях Таллина и Палдиски этот способ лова, очевидно, старше; по крайней мере в 1904 г. он там был уже известен [43]. Более давние традиции имеет лов плавными сетями на западе Эстонии. На побережье южнее г. Пярну, по рассказам местных рыбаков, ими ловили «еще в те времена, когда властвовали помещики» [44]. На Сырве знали только плавные сети [45]. В 1851 г. лов был широко распространен на о-ве Хийумаа [46].

Бóльшую роль, чем в Эстонии, играл лов плавными сетями в южной части Балтийского моря, на побережье Курземе (Латв. ССР) [47], и быв. Восточной Пруссии, на о-ве Борнхольм и в бассейне Северного моря [48]. Можно полагать, что эстонские рыбаки познакомились с этим способом лова у своих южных и западных соседей: жители п-ова Сырве, видимо, у курземских рыбаков, ливов и латышей; хийумааские рыбаки могли узнать о нем на о-ве Готланде, с жителями которого они поддерживали в XIX в. и раньше сравнительно тесные торговые отношения. Позднее, в 1850—1880-е годы, новый способ лова проник при посредстве готландцев в северные районы Прибалтики, на Аландские острова и в Финлян-

[41] Полевые материалы автора, 1955 г.; ЭА 8, стр. 131.
[42] Полевые материалы автора, 1957 г.
[43] Б. А. Гейнеман. Рыболовство на Балтийском море у русских берегов, «Вестник рыбопромышленности», СПб., 1904, стр. 556.
[44] Полевые материалы автора, 1955 г.
[45] Полевые материалы автора, 1957 г.
[46] «Исследования о состоянии рыболовства в России», I — Рыболовство в Чудском и Псковском озерах и в Балтийском море, СПб., 1860, стр. 14.
[47] Б. А. Гейнеман, Указ. раб., стр. 556.
[48] См. I. Manninen, Указ. раб., стр. 200—201.

дию [49]. Это, как уже доказал проф. Вилькуна, опровергает предположение И. Маннинена, что эстонцы заимствовали плавные сети из Финляндии. Весьма вероятно, что лов плавными сетями возник в бассейне Северного моря и оттуда распространялся по Балтике с юга на север.

Лов плавными сетями был еще широко развит у эстонских рыбаков в годы буржуазной республики. В Советской Эстонии этот довольно опасный способ лова (из-за частых бурь осенью, когда он больше всего производится) потерял прежнее значение в местном прибрежном промысле

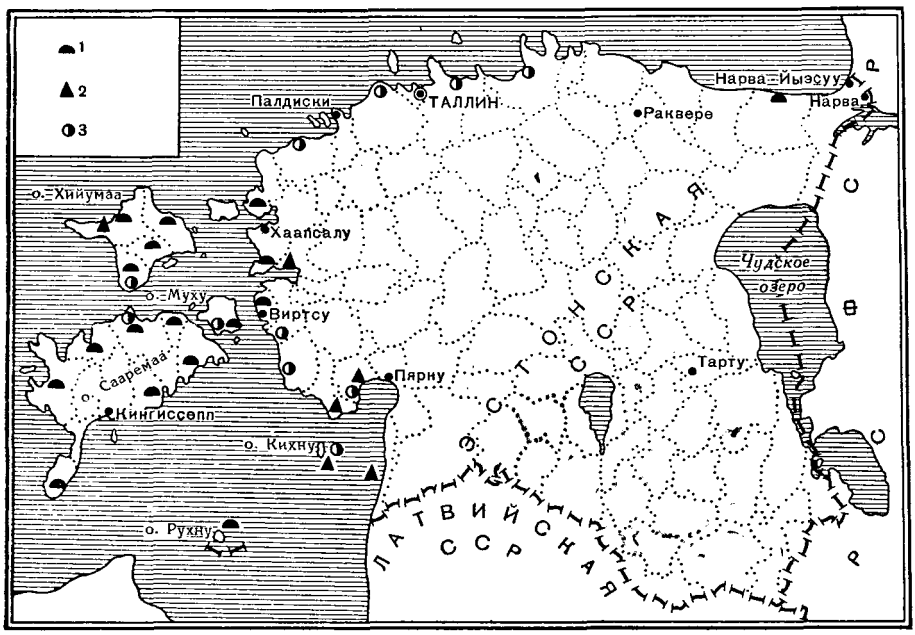

Рис. 8. Распространение некоторых типов рыболовных сетей и способов сетевого лова в морском рыболовстве Эстонии: *1* — сети с поводками (pinevõrk); *2* — трехстенная сеть (kiimvõrk); *3* — установка сетей «флюгером» (lipus püük)

Зато в экспедиционном лове сельди на Атлантическом океане, осуществляемом республиканскими рыболовецкими организациями начиная с 1955 г., более совершенные дрифтерные сети (наряду с тралами) получили довольно большое значение.

Эстонским морским рыбакам были также известны некоторые активные способы лова сетями. Рыбу загоняли в сети, пугая ее ударами по воде специальной палицей, боталом (mütt) или ударами весел. При этом нередко употребляется, особенно в районе Пярнуского залива и на Матсалуской бухте, особая трехстенная сеть — обор (kimudega mutt, kimudega võrk, или kiimvork).

Особый интерес с этнографической точки зрения представляет зимний активный лов сетями на эстонских островах, известный там еще в начале XX в. Так, у побережья п-ова Сырве (Сааремаа), обычно поздней осенью, когда море в прибрежном районе уже покрыто льдом, начинался лов рыбы, преимущественно щуки. Во льду делали прорубь в виде щели и, кроме того, множество лунок. В прорубь вводили сети, через лунки рыбаки начинали пугать рыбу палками. Число участников было неограниченно; нередко набиралось несколько десятков человек. Здесь еще долго сохранялись традиции общинного лова, использовавшиеся в целях эксплуатации прибрежных крестьян помещиком, требовавшим

[49] K. Vilkuna, Указ. раб., стр. 54; R. Ahlbäk, Указ. раб., стр. 96.

десятину с этого вида лова [50]. Об этом способе лова имеются данные с п-ова Вятта (Сааремаа), с п-ова Сырве ((h)agemine, или (h)agepüük) [51] и с о-ва Хийумаа (lõndil käima) [52]. Очевидно, в прошлом он был распространен на эстонских островах более широко.

При лове сетями коллективы рыбаков были небольшие, по 4—6, иногда по 10 человек на одну лодку. Наиболее крупные команды организовывались, когда плавали на длительное время ловить рыбу к побережью, лежащему на сотню и более миль от родной деревни. В связи с перехо-

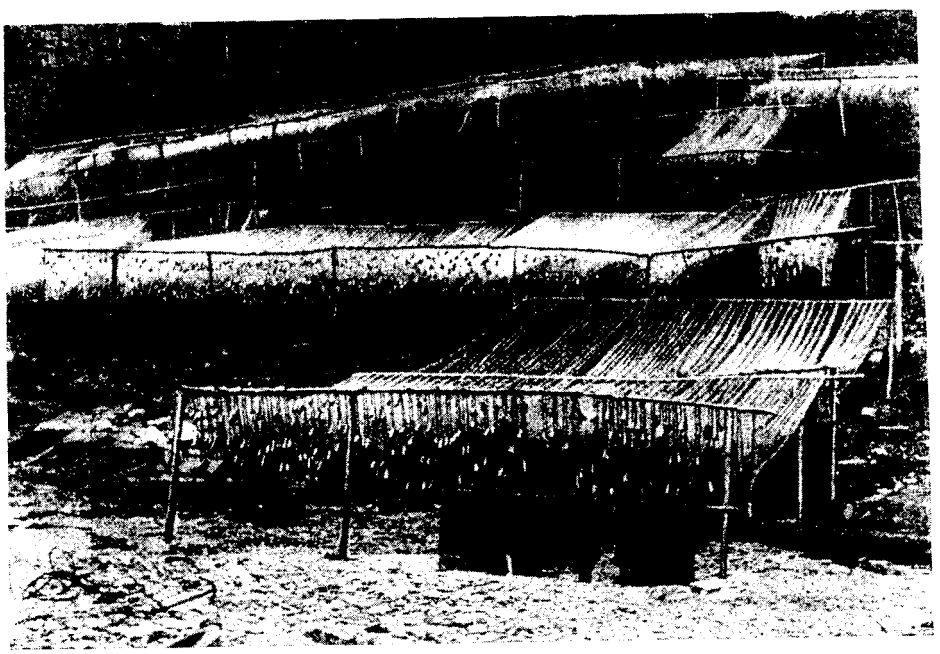

Рис. 9. Салачные сети на вешалах. Дер. Тайла, Йыхви (ныне Йыхвиский р-н), 1934 г. Из собраний Этнографического музея АН ЭстССР

дом в конце XIX в. на парусники, а в 1920—30-е годы — на мотоботы, число ловцов в одной лодке сократилось до 2—3 человек, так как отпала необходимость в гребцах.

В прошлом, очевидно не позднее середины XIX в., нередко команду одной лодки составляли члены большой семьи, силами которой были изготовлены и во владении которой находились как сети, так и лодка. В дальнейшем сетями владели малые семьи. Довольно долго, частично до начала нашего века, сохранялось распределение улова между членами команды поровну; но все чаще каждый ловец получал при дележе рыбу, попавшую в его сети.

Позднее возникла частная собственность и на лодку. Пользовались ею по-прежнему несколько человек, но хозяин ее обычно получал рыбу, осыпавшуюся в лодку (varikalad). В дальнейшем хозяин лодки составлял команду по своему усмотрению, тогда как раньше ее состав годами оставался неизменным. Хозяин имел вдвое больше сетей, чем остальные члены коллектива, или же владел всеми сетями, причем ловцы получали половину улова, а хозяин — остальное. Коллективы такого типа, характерные для периода капитализма, возникли во второй половине

[50] Полевые материалы автора, 1957 г.

[51] Материалы диалектологического архива Ин-та языка и литературы АН Эстонской ССР.

[52] ЭА 9, стр. 341.

XIX в. Как при неводном, так и при сетевом лове они давали широку возможность эксплуатации неимущих слоев прибрежного населения пре принимателями — владельцами рыболовных орудий.

Ловушки

Уже в течение полувека вплоть до настоящего времени основна масса рыбы у эстонских берегов добывается различными орудиями лов типа ловушки. По назначению, величине и устройству выделяются сл

Рис. 10. Починка угревой мережи. Дер. Верги, Раквереский р-н, 1955 г. *Фото автора*

дующие снасти этого типа: 1) небольшие мережи для лова прибрежной крупной рыбы, 2) большие салачные мережи, 3) мережи для лова лосося, 4) большие мережи для лова угря (боттенгарны), 5) ставные невода.

Различного типа ловушки известны на территории Эстонии начиная с первобытного времени. В морском же рыболовстве они начали играть значительную роль только в XIX в.

Раньше всего начали употреблять мережи в морском лове на островах. По рассказам местных рыбаков, первые мережи для лова в море были изготовлены на о-ве Хийумаа в 1858—1859 гг.[53]. На о-ве Муху начали употреблять мережи с 1860-х годов[54]. Примерно в те же годы появились они и на о-ве Кихну[55]. О приоритете хийумааских и мухуских рыбаков во внедрении мережного лова говорят и литературные источники[56]. Архивные и полевые материалы подтверждают, что в других районах местные рыбаки переняли мережи у рыбаков двух названных островов, а также о-ва Сааремаа[57].

Большие мережи для лова салаки — более новое явление. В Хийумаа их начали употреблять, очевидно, в начале 1880-х годов[58]. Оттуда

[53] Полевые материалы автора, 1955 г.
[54] ОК 13, стр. 1387, 1666.
[55] ЭА 47, стр. 177; V. Kalits, Kihnlaste kalastusest, «Etnografia Muuseumi Aastaraamat», XVI, Tallinn, 1959, стр. 180.
[56] Б. А. Гейнеман, Указ. раб., стр. 560.
[57] Ноароотси, ОК 13, стр 461; Хаапсалу, полевые материалы автора, 1956 г.; Виртсу, ОК 13, стр. 618; Поотси, ЭА 36, стр. 477; Костивере, ЭА 8.
[58] ОК 13, стр. 1676; O. Loorits, Указ. раб., стр. 118.

они распространились по другим районам западной Эстонии. Возможно, что переход к употреблению больших салачных мереж на Хийумаа является до известной степени развитием местного исконного лова небольшими мережами частиковой рыбы. Зато глубоководные салачные мережи на северном побережье заимствованы у других народов. Кажется правдоподобным, что рыбаки на северном побережье Эстонии — как эстонцы, так и приходящие туда на промысел русские — впервые познакомились с возможностью лова салаки большими мережами у финнов, но для себя начали их привозить из Осташкова, где изготовляли большие мережи для лова на Ладожском озере, о чем свидетельствуют различные источники [59]. Осташковские мережи употребляли по всему северному побережью Эстонии, а частично и в окрестностях Пярну и Риги [60].

Боттенгарны, снасти датского происхождения, стали проникать в Эстонию через Швецию, начиная с 1929 г. Применение этих крупных рыболовных орудий позволило в значительной мере увеличить в Эстонии вылов угря. Последний в основном шел на экспорт в западноевропейские страны.

Первые попытки ловить ставными неводами у побережья Эстонии были сделаны пярнускими рыбаками в конце 1930-х годов. Но массовое применение этих дорогостоящих больших снастей стало возможным только в Советской Эстонии, когда рыбаки объединились в колхозы.

В первой половине 1950-х годов ставные невода в значительной мере вытеснили все остальные виды рыболовных орудий при весеннем лове салаки, а уловы салаки намного увеличились. Делаются попытки ловить ставными неводами также частиковую рыбу.

Что касается организации труда при лове орудиями типа ловушки, то старинных общинных традиций здесь нет, так как массовый лов мережами возник в Эстонии только при капитализме. Мережи в основном принадлежали предпринимателям, которые нанимали для лова так называемых «мережных батраков» (mõrrasulased).

Небольшие прибрежные мережи принадлежали обычно отдельным ловцам, так как они стоили дешевле, а для лова ими достаточно силы одного человека.

Крючковые снасти

В морском рыболовстве Эстонии определенное значение имеют крючковые орудия лова. Имеются крючки без наживки, типа блесны (käsiõng, pilka) и типа дорожки (vedel, lant).

Крючки с наживкой для активного лова вручную (лёса на катушке, иногда прикрепленной к борту лодки) распространены в западных и северо-западных районах (о-в Хийумаа, западная часть о-ва Сааремаа, о-в Осмуссаар, окрестности Таллина), т. е. там, где встречается треска.

Для пассивного лова служат жерлица (с одним крючком) и перемет с рядом крючков, прикрепленных при помощи поводков к длинной бечеве — хребтине.

Жерлицей (und) ловят почти исключительно щук зимой. Основные районы лова жерлицей в прошлом: восточное и юго-восточное побережье о-ва Хийумаа, о-в Муху, многие районы о-ва Сааремаа и западное побережье материковой Эстонии, частично — бассейн Пярнуского залива. В настоящее время промысловое значение жерлицы имеют только в

[59] ЭА 8, стр. 145; ЭА 45, стр. 805; полевые материалы автора, 1955 г.; G. Schneider, Die Seefischerei von Lettland und Estland, «Handbuch der Seefischerei Nordeuropas», VIII, N 6, Stuttgart, 1928, стр. 2; Б. А. Гейнеман, Указ. раб., стр. 560.

[60] Б. А. Гейнеман, Указ. раб., стр. 561.

Мухуском проливе и на юго-восточном побережье о-ва Сааремаа[61]. О лове жерлицами в открытой воде имеются сведения с о-ва Хийумаа[62], с побережья западной Эстонии[63] и с острова Кихну[64]. Уже в 1930 годы на жерлицу ловили только любители.

Последние четыре-пять десятилетий наибольшее значение из крючковых снастей приобрели различного типа переметы (jadaõng — на западе Эстонии, õngeribi — на северном побережье). Ловят ими как летом,

Рис. 11. Подготовка переметов для лова трески перед выходом рыбаков в море. Дер. Пяриспэа, Куусалу (ныне Харьюский р-н), 1920 г. Из собраний Этнографического музея АН ЭстССР

так и зимой подо льдом. Их начали употреблять в морском рыболовстве не позднее 1880-х годов, в Пярнуском бассейне[65]. Многие данные говорят о заимствовании переметов у латышей[66], а на северном побережье — у русских рыбаков с Чудского озера[67].

Промысловое значение переметы теперь сохранили преимущественно в бассейне Пярнуского залива, на летнем лове.

Острога

Добыча рыбы острогой не имела промыслового значения, но в прошлом она все же была известна в Эстонии повсеместно. У морского прибрежья острогой ловили больше всего щуку и угря, отчасти камбалу. На о-ве Хийумаа имелась специальная трезубая острога для камбалы (lestapiht). На море промышляли острогой почти исключительно с небольших лодок-плоскодонок, в Матсалуской бухте (Хаапсалуский р-н) — с двух связанных вместе челноков[68].

---

[61] «Атлас основных орудий рыболовства Эстонской ССР», Таллин, 1953, стр. 51.
[62] ЭА 9, стр. 361—369.
[63] I. Manninen, Указ. раб., стр. 139.
[64] V. Kalits, Указ. раб., стр. 193.
[65] ОК 13, стр. 1663; ЭА 36, стр. 441.
[66] Сырве, полевые материалы автора, 1957 г.; Кихельконна, ЭА 50, стр. 19.
[67] ОК 13, стр. 342 и др.
[68] Полевые материалы автора, 1957 г.; Chr. Petri, Ehstland und die Ehsten, I, Gotha, 1802, стр. 117; ОК 13, стр. 484 и др.

Угря промышляли днем. Нередко в воде складывали искусственные груды камней, куда угри залезали и откуда их легко было достать [69].

Лучение рыбы, преимущественно щуки (toosel käimine — западная Эстония, tulusel käimine, ael käimine — северная Эстония) было широко распространено по всему побережью Эстонии и в некоторых районах имело массовый характер. На Матсалуской бухте, например, в тихие вечера

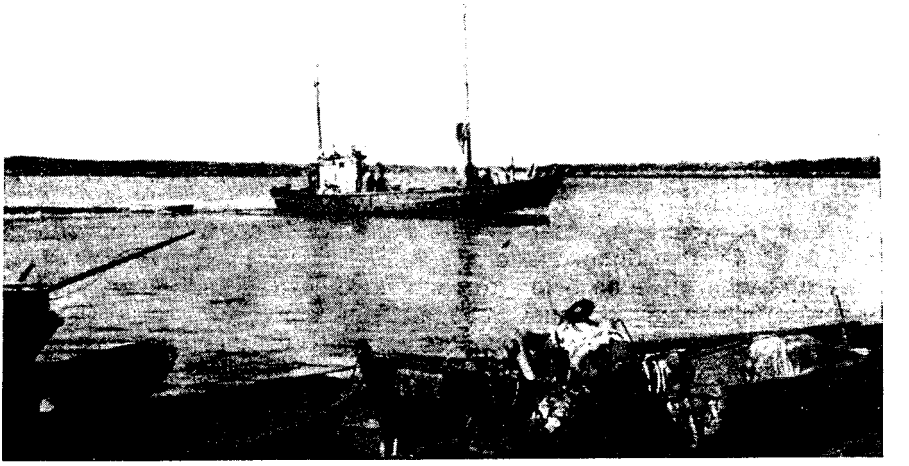

Рис. 12. Траулер возвращается с моря. Поселок Нарва-Йыэсуу, 1958 г. *Фото автора*

на лучение выходило одновременно более ста лодок [70]. Огонь находился на железной решетке в носовой или кормовой части лодки, реже — в середине ее.

Местами производился хищнический лов угря острогой из-подо льда, на зимовищах этой рыбы.

С 1920-х годов добыча рыбы острогой была запрещена; в последние десятилетия острогой бьют рыбу только рыболовы-любители, чаще всего мальчики.

На побережье Эстонии были известны еще некоторые активные способы лова вручную, не требующие специальных орудий. Шире всего из них было распространено глушение рыбы.

Новейшим способом морского лова в Эстонии является траловый. Первые опыты этого механизированного лова были сделаны уже в дореволюционное время, но их результаты были ничтожны [71]. В буржуазной Эстонии тоже оказалось невозможным внедрить траловый лов. Только при Советской власти значение тралового лова стало возрастать с каждым годом.

---

[69] Сырве, полевые материалы автора, 1957 г.; Хийумаа, ЭА 9, стр. 379; I. Manninen, Указ. раб., стр. 113.

[70] C. Russwurm, Eibofolke oder die Schweden an den Küsten Elstlands und auf Runö, II, Reval, 1855, стр. 36—37.

[71] В Рижском заливе в 1880-х годах. См. П. Борисов, Рыболовство в Пернов-ской бухте, «Известия и труды сельскохозяйственного отделения Рижского Политехнического ин-та», III, 1915, вып. 4, стр. 203—204.

До последнего времени траловый лов на Балтийском море осуществлялся в основном государственными рыболовецкими организациями, но сейчас в распоряжение более крупных колхозов передается все большее число траулеров. Например, в рыболовецком колхозе «Октябрь» (г. Нарва) — более 20 траулеров, и траловый лов дает около 89% годового улова колхоза [72].

* *
*

Если сравнить развитие рыболовства в различных районах морского побережья Эстонии, то можно отметить, что оно шло неодинаковыми путями, и это было обусловлено природными, экономическими и этническими причинами. Выделяются два основных района — северное побережье республики и западная Эстония вместе с островами. На островах, отчасти и на западном побережье материковой Эстонии техника рыболовства была более разнообразна, чем на северном побережье. Число профессиональных рыбаков тоже было там больше. Это объясняется в большой мере тем, что на островах нет хороших условий для сельского хозяйства, и поэтому население там было вынуждено обращаться к другим областям деятельности, в том числе — к рыболовству. Зато прибрежное население в северной Эстонии больше занималось сельским хозяйством (хотя и там были чисто рыболовецкие деревни — Эйзма, Тюрзамяэ и др). Главными орудиями лова были там ставные сети — салачные, килечные, камбаловые, а также большие невода. Только в годы буржуазной республики там распространились лососевые мережи в связи с расширением экспорта ценной рыбы в западные страны.

Кроме того, эти рыболовные районы различаются и по основной терминологии рыболовства.

В морском рыболовстве Эстонии выделяются традиционные промысловые сезоны, когда определенные породы рыбы появляются в прибрежных водах. Кроме того, так как в прошлом прибрежные жители Эстонии в подавляющем большинстве были одновременно и рыбаками, и земледельцами, в их хозяйственном году чередовались рыболовные и сельскохозяйственные сезоны.

Уже с древнейших времен наибольшее значение имеет весенний период — время нереста многих рыб. Главный объект лова в это время — салака. Лов ее начинается во второй половине апреля (после ледохода) и прекращается во второй половине июня, когда, в связи с согреванием воды, косяки салаки удаляются в глубь моря. Традиционной датой окончания весенней путины был Иванов день (24 июня).

Главными орудиями лова в весеннюю путину до начала XX в. были невода, позднее — салачные мережи, а теперь — ставные невода. Крупную частиковую рыбу издавна ловят в прибрежные мережи и сети.

У многих рыбаков в досоветский период весенней путиной и ограничивалось их занятие рыболовством; остальную часть года они полностью посвящали сельскому хозяйству. Летом продолжали лов рыбы лишь малоземельные и безземельные крестьяне прибрежных деревень. Ловили в этот период в основном переметами крупную рыбу; меньшее значение имел лов кильки сетями. Июль-август — сезон лова камбалы; в настоящее время камбалу ловят на островах неводом, на северном побережье — сетями.

С августа начинается сезон лова угря — на о-ве Сааремаа — боттенгарнами (начиная с 1930-х годов), на северном побережье — небольшими мережами, частично переметами. В августе начинается второй нерест салаки, которую ловят тогда сетями.

В западной части северного побережья, в северной части о-ва Хийумаа, а также на западном и северо-западном побережье Сааремаа цент-

[72] Полевые материалы автора, 1958 г.

ральное место в осенней путине (начиная с августа до поздней осени) занимает лов кильки. Ловили ее раньше неводами, с конца XIX в.— сетями, в настоящее время частично также ставными неводами и тралами. Осенью ловят, кроме того, треску, сигов и лососей.

Обычно осенняя путина кончалась с появлением ледяного покрова. На время уборки картофеля (около Михайлова дня, 29-е сентября) в рыбной ловле делали перерыв. Зимой в прежнее время более интенсивно ловили рыбу только те из прибрежных жителей, для которых

Рис. 13. Механизированный рыбоприемный пункт. Мыс Пуйзе, Хаапсалуский р-н, 1957 г. *Фото автора*

рыболовство было главной отраслью хозяйства. Многие крестьяне зимой занимались ремеслами, работали на заготовке леса или переходили из деревни в деревню, с ярмарки на ярмарку, продавая соленую салаку, выловленную летом.

В годы Советской власти прежняя сезонность рыболовства в Эстонии резко уменьшилась. С одной стороны, у рыбацкого населения сельское хозяйство сейчас играет незначительную роль, и рыбаки могут все время отдавать лову рыбы. С другой стороны, снабжение рыбаков-колхозников новыми орудиями лова и большими мотоботами с мощным двигателем позволяет ловить рыбу уже на довольно больших расстояниях от берега и вследствие этого получать удовлетворительные уловы также вне традиционных сезонов. Ликвидировать прежнюю сезонность поможет в основном траловый лов, который в последние годы развивается особенно быстрыми темпами. Но так как в рыболовецких колхозах Эстонии в настоящее время еще первенствует прибрежный лов рыбы, сезонность пока не преодолена. Летнее и зимнее затишье рыбаки-колхозники используют для ремонта рыболовных орудий и лодок.

Итак, в весеннюю путину применялись крупные орудия лова — невода, салачные мережи; летом — переметы и другие крючковые снасти, а также камбальные невода и сети; осенью — главным образом салачные и килечные сети. Крупноячейными сетями ловили во все времена года; небольшими мережами промышляли рыбу главным образом летом, а также осенью. Зимой ловили всеми орудиями, но меньше, чем

летом. Траловый лов особенно интенсивно производится в зимний пе риод — в четвертом и первом кварталах.

* *
*

В свете задач развития народного хозяйства СССР, поставленны внеочередным XXI съездом КПСС, перед морским рыболовством Эсто нии открываются широкие перспективы. В течение семи лет валово улов рыбы в республике должен увеличиться в 2,4 раза по сравнени с уловом 1958 г. В течение одного только 1965 года будет выловлен столько же рыбы, сколько выловили в буржуазной Эстонии за семиле тие — с 1933 по 1939 г.

Коренным образом изменится характер рыболовства. Прибрежны лов пассивными орудиями (сети, ставные невода и др.), преобладаю щий еще в настоящее время, будет оттеснен активным ловом на Балтик и в Атлантическом океане. Для экспедиционного лова в Атлантик в течение семилетия республиканские рыболовецкие организации полу чат более ста океанских промысловых судов. В Таллине будет построе оснащенный новейшей техникой порт с причалами для рыболовных су дов и судоремонтными мастерскими, а также сельдеобрабатывающий завод, холодильник и другие предприятия по обработке рыбы. В бли жайшие годы намечается расширение номенклатуры вылавливаемой в экспедиционном лове рыбы. Кроме промышляемой уже теперь в север ных районах Атлантики сельди, будет развит активный лов трески, мор ского окуня и сардины в более южных районах Атлантики, в том числе в нейтральных водах вблизи африканского материка, а также лов сар дины на Средиземном море. Лов этот будет производиться тралами и дрифтерными сетями.

Таким образом, в 1959—1965 гг. морское рыболовство Эстонии окон чательно примет индустриальный облик, а рыбаки из прежних прибреж ных крестьян постепенно превратятся в работников мощной передовой рыбной промышленности.